

— Где? — огляделась темноволосая женщина. На вид ей было около двадцати пяти, на самом деле гораздо больше. Одета она была дорого и стильно. Алетта Дора была владелицей отеля, имевшего завидную репутацию и претендующее на оригинальность название «Астори».

Мужчина, ее спутник, высокий и хрупкий, в черном, что делало его еще более худым, кивнул вниз. Алетта и ее спутник стояли на верхней палубе и смотрели вниз, на загорающих у бассейна. Океанический лайнер «Мечта» летел по лазурной глади, искрящейся на солнце. Круиз с таким же названием собрал пеструю толпу на борт белоснежного красавца. Перчинкой круиза была отдыхающая псевдо-инкогнито богатая компания садистов. Вместо того, чтобы устраивать тематический круиз, компания господ решила выехать на охоту на свободных рабов, еще не знающих, что они рабы.

Пара из среднего класса Фироками — алмазного города-государства, который считался слишком жестоким для остального мира, но слишком богатым, чтобы объявлять ему какие-то бойкоты. Когда-то, столетия назад, северный Город позвал к себе всех, кто устал от уклада мира, всех изгоев, или считающих себя таковыми, включая, считающихся мифическими мутантов, нечисти, любых аномалий. А потом, отделился от страны, которой принадлежал. Конечно, богатый ресурсами край не хотели отпускать по-хорошему, а по-плохому удержать не получилось. Несколько десятилетий разумный Город тайно готовился к войне, поддерживая науку. В результате, для войны он стал недоступен — силовые поля, воины-мутанты, вампиры, психотропное оружие. Все, что мир раньше видел только в фантастических фильмах, предстало перед глазами армии противника. Мэр, Алекс Алекс, не шел ни на какие компромиссы. После победы, Фироками никто стал не указ. Сам он ни на кого не нападал и не собирался, рос вверх, осваивал свои земли, выходил на самокупаемость и самообеспечение. Наука шагала вперед. Главный закон Города был — работать на благо города. Фирокамцем можно было стать очень легко — приехать в город и начать жить и работать на него. Эмиграционная политика была самая свободная в мире. Но и Город был самой дорогой в мире. Не у каждого миллиардера хватало средств жить на высоком уровне в Городе. Валюта Фироками — слитки, были обеспечены алмазно-золотым и ресурсным фондом. Никакого внешнего долга у Города не было. Фироками не был городом равенства, закон джунглей, о котором любили поскуливать мелкие капиталисты мира, здесь работал безжалостно, как и полагается в джунглях. Пресыщенные богатеи брали бедных, неудачливых жителей, или новоприезжих, в сексуальное рабство. Город делился на господ, рабов и корифеев. Корифеи — богачи открыто несущие Город на своих плечах, вся их собственность и все их капиталы принадлежали Городу, но они и имели право на всю поддержку Фироками. Рабы были добровольные и плененные. В Фироками была власть, но, обычно, она всегда вставала на сторону господ, если только за раба не вступится какой-то господин посильнее.

Корифеи были последней справедливостью, поэтому у каждого была линия, на которую мог позвонить любой обиженный кем-то гражданин Фироками, обратиться за помощью, и каждый корифей был обязан просматривать эти жалобы и выносить решения. Это все считалось благом Города. На средний класс господ, корифеи внимания не обращали, если не было какого-то столкновения интересов.

Алетта сузила мутно-серые глаза, которые считала зелеными, осматривая яркую толпу внизу.

— О... — сладострастно выдохнула она, и крепче вцепилась в поручень. — Вижу...

Она обернулась, и натянула поводок к себе. На нем был редкостной красоты зверь. Смуглое скульптурное тело привлекало к себе взгляды, где бы он ни находился. Он был высок, отточено красив, и зверино притягателен. Синие глаза окаймленные длинными, густыми ресницами смотрели всегда равнодушно. На правом плече раба красовалось клеймо, резные буквы А и Д. Черные волосы доходили ему до середины спины и создавали ощущение первобытной страстности. Раб был обнажен, не считая кожаных сандалий, рабских ремней опутывающих его тело и колец в сосках и члене. Раб походил на матерого хищного зверя или языческого бога.

Фирокамцам можно было водить рабов обнаженными вне Фироками, это не считалось нарушением порядка или морали. Уважение к нормам права Города, с которым было выгодно вести дела, мир проявлял легко, потому что ему, как всегда, было плевать на угнетенных людей в других странах. Фироками сказал, что до тех пор, пока страны с религиозным укладом могут забивать своих женщин камнями, как и столетия назад, кутать их в мешки, нет права возмущаться, как Фироками обращаться со своими рабами. В конце концов, Фироками никого не держал, и все недовольные могли сбежать, попросить убежища. Город распространял свои законы только у себя. Но рабы тоже быстро поняли лицемерие остального мира, никому они не были там нужны, некуда им было бежать. Да и жизнь за пределами дикого Фироками была куда недоразвитее, непривычнее, жальче и хуже. Поэтому, чаще, из мира бежали в Город, чем из него.

— Эл, сосать... — выдохнула Алетта, и, расставив ноги, отвернулась снова к нижней палубе, дав ему место перед перилами.

Раб опустился на колени перед госпожой, аккуратно провел ладонями по ее бедрам, поднимая юбку и умело коснулся языком половых губ Алетты. Голова у женщины закружилась, раб умел погрузить в наслаждение с первых движений. Да и как могло быть иначе, у раба был тридцатилетний стаж, начавшийся очень давно.

Спутник Алетты хищно наблюдал за кем-то внизу. Закурили направился куда-то.

— Куда ты Стайн? — хрипло спросила она.

— Я тоже хочу, чтобы мне сосали, но для этого надо что-то сделать, не просто смотреть, так ведь? — с сарказмом проговорил мужчина и начал спускаться на нижнюю палубу.

— Ну вот, вечером и начнется веселье... ох ты... — Алетта отдалась ласкам раба, теперь можно было отдаться своим фантазиям, не контролируя, что происходит. Стайн был опытным господином.

Океан и солнце были такими живыми, что постоянно казалось, что они что-то говорят. Нижняя палуба была ближе к океану, и Ад постоянно вслушивался, пытаясь не пропустить ни слова, но солнце и вода словно говорили о нем и замолкали, как только он пытался разобрать хоть слово. Юноша не мог читать и из-за этого раздражался. Он вертелся на своем шезлонге, то

пытаясь выглянуть за борт лайнера, вытягивая стройную шею, и всматриваясь темно-вишневыми глазами куда-то вдаль, то пытаюсь отвернуться от океана и солнца, которые были повсюду, чтобы не обращать внимания на летний, влажный шелест.

— Неуютно в шезлонге? — насмешливо начал подошедший мужчина.

— Не хуже, чем тебе в такую жару в черном, — буркнул Ад, вскидывая свои прекрасные глаза на мужчину.

Стайн вскинул бровь, усмехнулся и сел на край шезлонга.

— Ну да, так мне стало куда уютнее, — фыркнул Ад, сел, подбирая длинные точеные ноги.

Океан и солнце загорланили что-то совсем уж громко. Ад резко выпрямился. Разговор затих.

— Кого-то ищешь?

Ад хотел ответить, передумал, несколько секунд смотрел на мужчину.

— Тебе чего? — спросил он, как будто только его заметил.

— Мне ничего, — как можно равнодушнее сказал мужчина. — А ты не боишься так разговаривать с незнакомыми людьми? Мало ли кем они могут оказаться?

— Например? — едко сказал красавец. — Клоунами?

Стайн смотрел на непокоренное воплощение сексуальности, представляя как жадно вдыхали бы эти темные четкие губы воздух под ударами плети, как горели бы эти глаза от вожделения и как нежно смущенно прикрывали бы их тяжелые ресницы. Мужчина усмехнулся.

— Приходи сегодня на ужин за четвертый столик. Тебе понравится, — Стайн бросил сигарету в рядом стоящий бокал дерзкого мальчика. В Городе, разделенном на сексуальные статусы, чтобы отделять рабов мужского пола от господ, у нежных мужчин-рабов был статус «мальчика», до самой старости, которая была практически побеждена в Фироками.

Первым порывом Ада было выплеснуть содержимое вслед мужчине, но он осек попытку, криво улыбнулся, провожая Стайна взглядом и устроился в шезлонге, довольно вытянувшись звериным гибким телом, скрытым совсем тоненькими плавками. Ад раскрыл свои сказки, теперь уже удовлетворенно читая, не слушая о чем сплетничают солнце и океан.

Алетта села за стол на верхней палубе, легкий ветер освежал разгоряченное после оргазма лицо. Отсюда было не видно отмеченного ими вчера раба, теперь господа по очереди следили за породистым красавцем, еще играя и наслаждаясь предвкушением. Алетта лениво смотрела по сторонам, выискивая Стайна. Мужчина поднялся, но кивнув ей, прошел мимо. Возбуждение его было сильнее желания сплетен, Стайн решил пойти к себе, сбросить возбуждение. Он не стал звать с собой никакого раба, из тех, кого взяли с собой его друзья, все равно никто не сможет удовлетворить его желание обладать незнакомцем. А сам Стайн, вообще, в этот круиз поехал один, не ехать же со своей добычей на охоту.

— Что там случилось? Иди к нему, узнай, что? Точнее, когда? Ну, давай! — хлопнула по лицу раба Алетта, глядя вслед Стайну и отстегивая поводок от ошейника. Раб сидевший у ног хозяйки зверино поднялся и направился за господином.

Он нагнал Стайна у дверей его комнаты.

— Господин Стайн, — окликнул Эл мужчину. — Госпожа Алетта желает узнать что случилось и когда.

— Что когда? — свел брови Стайн, открывая дверь. Задумчиво посмотрел на раба, кивнул. — Входи.

Эл послушно вошел. Конечно, его накажут. Все равно бы наказали, если бы отказался и поспешил к госпоже, наказали бы за то, что посмел отказать господину, сейчас накажут за то, что не поспешил к госпоже.

Алетта нетерпеливо постучала длинными ногтями по столу. Где он шляется? Никак не может догнать Стайна? Времени-то уже много прошло... женщина равнодушно решила дожидаться Эла, придумывая, что можно сделать с рабом за дерзость и нерасторопность.

К ужину все равно придет.